

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-612-622

EDN: VNNLGI

Россия и Монголия в цивилизационной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии*

А.С. Железняков¹, Г. Чулуунбаатар²

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

²Монгольская академия наук,
Просп. Мира, 54б, район Баянзурх, Улан-Батор, 13330, Монголия

(e-mail: zhelezniakovas@yahoo.com; chuluunbaatarlegpil@gmail.com)

Аннотация. Взаимоотношения России и Монголии в цивилизационной и геополитических парадигмах развития Центральной Евразии предельно важны для политологии, социологии и регионалистики. Авторское определение Центральной Евразии отличается от общепринятой нейтральной трактовки тем, что привязано к конкретному цивилизационному пространству — трех локальных цивилизаций — исторически суммируемых пределов доминирующего влияния каждой из них. В статье рассматриваются следующие пределы влияния монгольской, русской и китайской цивилизаций с древности до настоящего времени: великие степные империи (от государства Хунну до Великой Монгольской империи Чингисхана) с центром в Монголии, Российская империя и социалистический лагерь с центром в России (СССР) и экономический коридор Россия–Монголия–Китай с центрами в трех странах. Признание факта таксономической равновесности России, Китая и Монголии как ядер русской, китайской и монгольской цивилизаций, объединенных пространством Центральной Евразии, позволяет по-новому взглянуть на российско-монгольские отношения с древнейших эпох до настоящего времени. Авторы признают существование в наши дни мировой цивилизации, затерявшейся во Внутренней Азии и базирующейся на двух с лишним тысячелетиях письменной истории кочевников — монгольской цивилизации. В статье разрабатывается новое научное направление — цивилизационная политология, которая рассматривает процесс взаимодействия обществ через призму переплетенного цивилизационного мироустройства. Авторы полагают, что цивилизации охватывают своими очертаниями все глобальное пространство; вводят понятие «каскад границ цивилизации», что требует соединения методов моделирования и геоинформационных технологий с культурно-историческими построениями; рассматривают историческую традицию взаимоотношений России, Монголии и Китая в Евразийском регионе, которая возрождается сегодня в новом контексте по мере развития трехстороннего сотрудничества.

---

*© Железняков А.С., Чулуунбаатар Г., 2023

Статья поступила 21.03.2023 г. Статья принята к публикации 15.06.2023 г.

Ключевые слова: цивилизационная и геополитическая парадигма; таксономическая равновесность; ядра русской, китайской и монгольской цивилизаций; цивилизационная политология

Активное сотрудничество России с народами Евразии особенно значимо на современном этапе развития международных отношений. В условиях борьбы за многополярный мир актуализируется изучение взаимодействия российской цивилизации с другими мировыми цивилизациями. Одним из ярчайших и исторически значимых примеров такого взаимодействия является развитие российско-монгольских отношений, ставших узловыми для Центральной Евразии. Особое географическое положение Монголии обусловило многовековое глубокое переплетение исторических судеб, с одной стороны, народов России и Монголии, с другой — народов Монголии и Китая. Таким образом, Центральная Евразия предстает пространством наслоения друг на друга русской, монгольской и китайской цивилизаций.

«Евразия» как геологический и географический термин была введена в 1883 году Э. Зюссом [3. С. 180]. Первоначально географическая концепция была расширена исследованиями многих ученых, и к рубежу веков превратилась в социально-цивилизационную концепцию, а затем в идеологию общественно-политического движения. В августе 1921 года в Софии Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский оказались у истоков евразийства как философско-политической концепции, опубликовав «Исход к Востоку» — труд, заложивший основы евразийского движения среди русской эмиграции. Историческая цивилизационная связь России с Монголией была крайне важна для евразийцев: в 1925 году, живя за границей, Трубецкой написал книгу «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», которая была опубликована под псевдонимом в Берлине. Нет никаких сомнений в том, что эта работа оказала серьезное влияние на евразийство, и сейчас некоторые ее идеи возрождаются в связи с глобальными геополитическими изменениями.

Л.Н. Гумилев написал статью «Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца)», в которой задался вопросом, «что бывает, когда автор более прав, чем его утверждение?». Гумилев полагал, что «в науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они ни были... Н.С. Трубецкой рассматривал теорию евразийства как программу будущего Евразии. Разумеется, с его терминологией можно спорить. Справедливо и то, что концепция евразийства не охватывает все стороны действительности СССР–Евразии. Однако, бесспорно, практически ценным является как утверждение единства многонародного евразийского суперэтнуса, так и гуманитарные пути самопознания, предлагаемые Трубецким» [10. С. 36, 54]. Концепция Трубецкого —

методологически значимый подход к изучению исторических процессов, уроков и опыта взаимоотношений народов, населявших и населяющих Евразию, а также влияния цивилизаций, прошедших через него.

Евразийцы стоят и у истоков номадофильской традиции. Идея «пронизывания» цивилизаций кочевым миром (характерно название одного из первых крупных научных форумов на эту тему «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» [8]) стала рефреном работ, позиционирующих Монголию и монгольский мир в цивилизационном контексте [1; 6; 9], с точки зрения евразийских концепций и инициатив [5], в духе политического реализма [4; 11; 13; 16]. Эта же идея, дополненная обратной связью, т.е. идея равноценного и равновесного межцивилизационного взаимодействия кочевого мира с оседлым, важна и для наших российско-монгольских исследований — вот уже двадцатилетней разработки концепции непрерывного существования с древности до наших дней отдельной монгольской цивилизации — как локальной цивилизации кочевого мира [2. С. 7–9]. В широких научных кругах историческая роль монголов и вообще кочевников довольно давно перестала считаться исключительно негативной и разрушительной, признана, хотя и со множеством оговорок, в целом созидательной.

На протяжении всей истории Монгольской империи подчиненные ей народы интегрировались в единую политическую систему и были неотъемлемыми частями единого государства во всех отраслях военной организации, деловых, экономических, религиозных, культурных, духовных и гуманитарных сфер жизни. Развитая инфраструктура и система почтовых сообщений также легли в основу управления государственными институтами империи. Суть государственной философии Чингисхана заключалась в том, чтобы управлять каждой покоренной державой в соответствии с местной традицией — Монголией сообразно монгольской, Китаем — китайской. Кстати, нет никаких исторических свидетельств того, что золото, серебро, богатства или предметы истории и культуры народов были разграблены или перевезены, но есть несколько записей о мудрости и оригинальности монголов-кочевников в распределении богатств и ресурсов [17. С. 144–148].

В те времена в Монгольской империи как центре обширного Евразийского региона культурная и интеллектуальная сферы жизни претерпевали значительные изменения в процессе интенсивного культурного взаимодействия между народами. Ученые полагают, что Чингисхан реформировал традиционный культ поклонения Небу (тенгрианство). В прежние века он был традицией, связывающей правителей и аристократию с простыми подданными через институт шаманов, которые взаимодействовали с Небом с помощью специальных сакральных амулетов. Чингисхан свел к минимуму посредническую роль шаманов, провозгласив, что «Великий хан правит по воле Вечного Неба» [17. С. 144–148], что было преобразовано в государственную идеологию, зафиксированную в исторических источниках. Это нововведе-

ние стало основой государственной политики в отношении народов, которые были включены в состав империи, но исповедовали разные веры. Существует множество исторических свидетельств того, что Чингисхан подчеркивал важность вовлечения ученых и философов в государственные дела и, в некотором смысле, управления государством с помощью знаний. Это важно для разработки политики и моделей развития не только цивилизации, но и государства [7. С. 31].

Говоря об опыте межкультурных отношений России и Монголии, необходимо отметить, что сегодня словосочетание «татарское иго», которое использовалось в изучении российской истории на протяжении поколений, постепенно уходит в прошлое. Монголия объединила разрозненные тюркские племена, впоследствии вошедшие в состав российского государства, и повлияла на превращение Московского царства в центр русских земель. Существуют исторические свидетельства того, что монгольские кочевники оказали решающее воздействие на возрождение России после периода раздробленности. Трубецкой подчеркивал значение наследия Чингисхана, «проникновения его разума в сердце России», для русской цивилизации и государственности [18. С. 18].

Что касается монголо-китайских отношений, то во времена правления Хубилай-хана монгольская династия Юань сформировала основы китайского государства в составе Монгольской империи на территории современного Китая. После распада Монгольской империи Китай был постепенно завоеван кочевниками-маньчжурами, а затем Монголия более чем на двести лет де-факто утратила суверенитет и попала в зависимость от маньчжуро-китайской власти. В тот период, конечно, имело место естественное межкультурное влияние, но, когда речь заходит о государственности, можно предположить, что традиции Великой Монгольской империи были сохранены.

По результатам Ялтинской конференции 1945 года, благодаря решающей поддержке СССР, монголы выразили на плебисците свое духовное и цивилизационное единство, проголосовав за независимость от Китая. Затем суверенная Монголия установила официальные дипломатические отношения с Китаем. Позиция советской России в конце Второй мировой войны оказала решающее влияние на международное признание суверенитета Монголии и ее развитие в рамках мировой социалистической системы. Сегодня Россия остается «великим соседом», определяющим суверенитет и национальную безопасность Монголии, что является стержнем цивилизационного взаимодействия наших народов на евразийском пространстве.

Историческая традиция отношений между Россией, Монголией и Китаем в Евразийском регионе возрождается сегодня в новом контексте в формате трехстороннего сотрудничества. Монгольский «Степной путь», инициатива России «Евразийский экономический союз» и проект Китая «Пояс и путь», согласованные в 2016 году на встрече глав государств трех стран, и усилия

по их реализации — один из примеров этого сотрудничества. Любое крупное внешнеполитическое действие совершается с опорой на исторический фундамент, и таких традиций более чем достаточно для развития отношений России, Монголии и Китая.

Разумеется, как внутри, так и за пределами наслоения друг на друга в пространстве Центральной Евразии эти три цивилизации взаимодействуют с другими межцивилизационными пространствами (помимо общего глобального пространства): в первом случае это исторический греко-римский христианский мир, современная Большая Европа от Лиссабона до Владивостока и шире — пространство Запад — Россия; во втором — индо-тибето-монгольское буддийское пространство, дополненное почитаемым и сегодня маньчжуро-монголо-тюркским кочевым миром; в третьем — историческое пространство Великих Чайного и Шелкового путей, конфуцианства, иероглифов, палочек для еды и нынешнее пространство инициативы «Пояс и путь».

Итак, наша трактовка Центральной Евразии отличается от нейтральной сугубо геополитической [12] (привязка термина «Центральная Евразия» к современным политико-географическим реалиям лишает его отличительной цивилизационной определенности) тем, что отмечает конкретное цивилизационное пространство — общее пространство трех локальных цивилизаций, заключенное внутри исторически суммируемых пределов доминирующего влияния каждой из них. Такими пределами с древности до настоящего времени являются великие степные империи (от государства Хунну до Великой Монгольской империи Чингисхана) с центром в Монголии, Российская империя и социалистический лагерь с центром в России (СССР) и экономический коридор Россия–Монголия–Китай с центрами в трех странах.

В глубине Центральной Евразии находится колыбель монгольской цивилизации. Это нынешняя Монголия с ее Хангайско-Хэнтэйским регионом, где с III века до нашей эры циклично зарождались города-государства кочевников (монголов и их предшественников — хунну, жужани (жуаньжуани), тюрков, кидани и др.), превращавшиеся в столицы ханств и каганатов, и где сегодня расположена столица страны Улан-Батор. Окружает нынешнюю Монголию со стороны России и Китая Внутренняя Азия — когда-то «возрождавшаяся из пепла» метрополия внезапно возникавших и сменявших друг друга империй кочевников. Внутренняя Азия, этот «пульсирующий Рим», окружена Центральной Евразией, на которую оказала колоссальное воздействие, корректируя пути исторического развития Китая и России.

Вся история Монголии — это история ядра цивилизации, прошедшей за два тысячелетия череду надломов [2. С.140–150], которые сопровождали рождение и смену на одной территории государств и империй степных народов. С XIII века в Монголии, колыбели монгольской цивилизации, ротация народов в создании кочевых империй и государств прекратилась, историческая инициатива полностью перешла к монголам. При них цивилизация со-

хранила циклический характер и прошла путь консолидации: в Великой монгольской империи; вокруг династии Чингисхана; на стыке Маньчжурской и Российской империй; в пересечении интересов Китая и России во Внешней Монголии.

На XX–XXI века пришелся очередной надлом цивилизации, начало которого ознаменовала консолидация с Россией и Китаем. Это превратило Монголию в один из важнейших плацдармов деятельности В.И. Ленина, ВКП(б) и Коминтерна по развитию мировой революции, что в итоге вылилось в формирование социалистического лагеря, границы которого во многом совпали с границами большей части завоеваний Великой Монгольской империи. В результате ядро монгольской цивилизации превратилось в современное независимое государство и члена ООН. На период с начала–середины 1960-х до начала 1990-х годов пришелся короткий по историческим меркам момент консолидации и «собираения сил» в Монголии на фоне острого противоборства СССР и КНР.

Сегодня Китай и Россия — стратегические партнеры Монголии, но это не отменяет того факта, что с позиций политического реализма положение Монголии весьма уязвимо. Монголия зажата между двумя великими соседями, превосходящими ее по территории, численности населения, размеру ВВП, военным расходам и мощи вооруженных сил. Приоритетным направлением внешнеполитической деятельности Монголии является поддержание дружественных и сбалансированных отношений с Россией и Китаем и содействие всестороннему сотрудничеству между ними. Крайне важным Монголия считает использование в качестве дополнительного балансира внешнеполитического концепта «третьего соседа», т.е. интенсивное («как с соседями») сотрудничество с целым рядом заинтересованных стран (в том числе и в первую очередь с США).

Одним словом, на протяжении всей истории Центральной Евразии Монголия в цивилизационных взаимоотношениях с ее нынешними гигантскими соседями — Китаем и Россией — выступала с ними на равных, являясь таким же субъектом — ядром отдельной цивилизации. Признание факта таксономической равновесности России, Китая и Монголии как ядер русской, китайской и монгольской цивилизаций, объединенных пространством Центральной Евразии, позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, досконально исследованные страницы российско-монгольских отношений.

В емком образе цивилизационного мироустройства как ковра-карты вырисовываются некоторые опорные точки нынешнего геополитического и цивилизационного позиционирования Монголии в мировом и евразийском пространстве. Геополитически Монголия не может рассчитывать на консолидацию сразу с тремя слишком разными стратегическими партнерами — США, Китаем и Россией. В условиях возрастающей угрозы конфликта между ними она не может рассчитывать и на внутренние ресурсы сосредоточения

и «собрания сил». Трудно представить, чтобы на виртуальной карте-ковре мироустройства автоматически выткалась геополитическая фактура многовекторной политики Монголии: сама по себе такая политика небольшой страны в отношении спорящих мировых гигантов означает открытый вызов сразу по трем векторам. «Равноудаленность», к которой устремлена Монголия, на карте-ковре скорее всего будет представлена весьма размыто — в духе традиционного «собрания сил» и консолидации, в увязке геополитических задач с цивилизационными возможностями.

В развилке между крайними оценками возможностей следования, с одной стороны, геополитическим соображениям, с другой стороны, цивилизационному взгляду оптимальный ответ Монголии на разрастающийся конфликт между США и Китаем и между США и Россией видится в разработке ею дифференцированного подхода к своим главным стратегическим партнерам. Речь не идет о непреклонном отказе от избранной Монголией геополитической многовекторности, но необходимо увязать уже ставшие привычными за последние тридцать лет геополитические приоритеты с тремя уровнями цивилизационных приоритетов. На самом внешнем (глобальном) уровне стоит такой приоритет, как равноправные отношения Монголии со всеми центрами хрестоматийных мировых цивилизаций, в том числе с Россией, Китаем и США. Этот уровень критически важен для безопасности Монголии как ядра локальной цивилизации и для глобального позиционирования страны в качестве субъекта международных отношений. Однако эта цель недостижима без решения вопросов на другом уровне цивилизационных приоритетов — в трехстороннем формате отношений Монголии, России и Китая, в общем пространстве которых укоренена монгольская цивилизация.

У Монголии имеется проверенная временем стратегия консолидации со своими ближайшими соседями — Россией и Китаем — в трехстороннем формате. По сути, эти соседи — две внешние опоры Монголии, на которых она держалась по завершении своего имперского прошлого и периода раздробленности. Монголия, еще будучи Внешней Монголией в составе Китая в период Маньчжурской империи, и будучи Монгольской народной республикой в орбите влияния СССР, всегда имела особые возможности сохранения идентичности вплоть до возможности балансировать по своему усмотрению между внешними опорами. В XX веке баланс качнулся в пользу Российской империи и СССР, но нынешнее беспокойное время требует от Монголии взять на себя гораздо более сложные обязанности — координирующего центра в системе отношений Россия–Монголия–Китай.

В свое время в этом формате случился сбой: Монголию в тридцатилетний период советско-китайского раскола (1960–1989) даже называли своеобразным буфером между двумя гигантами (что связано с европоцентристской традицией считать Монголию страной между молотом и наковальней) [14]. Но после длительного, почти шестидесятилетнего перерыва

этот формат возобновился 23 июня 2016 года, когда на переговорах лидеров трех стран была подписана Программа создания экономического коридора Россия–Монголия–Китай. Данный формат критически важен для перевода всесторонних отношений между тремя странами в плоскость доверительного межцивилизационного взаимодействия. В итоге выигрывают все три страны, а роль Монголии возрастает до уровня равноправного с соседями субъекта международных отношений, поскольку страна предстает ядром монгольского мира и локальной (монгольской) цивилизации Внутренней Азии с бесчисленными нерасторжимыми и активно развивающимися связями не только с ближним, региональным, но и дальним, глобальным, окружением.

И, наконец, уровень «ближнего круга» — это двусторонние межцивилизационные отношения Монголии с Россией. Этот уровень принципиально важен, поскольку связан с первыми шагами Монголии на пути обретения статуса субъекта современной международной политики. Эти шаги Монголия сделала в рамках развернувшегося с начала XX века военного, политического, экономического и культурного (т.е. поистине межцивилизационного) взаимодействия с Россией. Ядро монгольской цивилизации в лице Монголии словно ждало своего часа, стремительно вошло в современность и стало признанным государством, членом ООН, и это не было результатом одностороннего воздействия СССР. Подобно тому, как Москва видела в Монголии форпост коммунизма на Востоке, Улан-Батор видел в Советской России и Коминтерне внешний рычаг, базу для комфортной и безопасной для всего монгольского мира среды. Неслучайно эта среда обрела географические границы, во многом совпавшие с внешними границами Монгольской империи XIII века. Этому способствовал произошедший в XX веке синергетический взрыв — поддержка курса ВКП (б) и ИККИ далекими от учения К. Маркса и В.И. Ленина народами России, Монголии и Китая, предки которых были причастны к созданию великих степных империй.

По критериям цивилизационной политологии потенциал монгольской цивилизации и в XXI веке не ослаб, а, напротив, востребован как общее достояние народов Центральной Евразии.

Библиографический список

1. *Абаев Н.В.* Цивилизационная геополитика и этнокультурные традиции народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. Кызыл, 2006.
2. *Железняков А.С.* Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М., 2016.
3. Иностранные члены Российской академии наук XVIII–XXI вв. : Геология и горные науки / Гл. ред. Л.О. Глико. Т. 3. М., 2012.
4. *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000.

5. Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В. Пояса и пути Евразии. В поисках человека. М., 2018.
6. Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск, 2014.
7. Рашид Ад Дин. Судрын чуулган. Улан-Батор, 2000.
8. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
9. Россия — Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие / Отв. ред. В.М. Дианова. СПб., 2011.
10. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
11. Хаибат Л. Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. Улан-Батор, 2001.
12. Центральная Евразия. Территория межкультурных коммуникаций / Отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. М., 2020.
13. Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. М., 2002.
14. Ewing T.E. Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911–1921. Bloomington, 1980.
15. Atwood C.P. Is there such a thing as Central/Inner (Eur)Asia and is Mongolia a part of it? // Pacific Affairs. 2012. Vol. 85. No. 3.
16. Sabloff L.W. Mapping Mongolia: Situating Mongolia in the world from geologic time to the present // Pacific Affairs. 2012. Vol. 85. No. 3.
17. Mongolia and Western China: Social and Economic Study. Tientsin, 1979.
18. Монгол Улсын түүх. Ерөнхий суурь боловсрол эзэмшихэд зориулсан их сургуулийн сурах бичиг. Хоёр дахь хэвлэл / Ер. ред. П. Дэлгэржаргал, Б. Чинзориг, Ж. Болдбаатар. Улан-Батор, 2017.
19. Трубецкой Н.С. Чингис хааны өв. Орос хэлнээс орчуулсан Дэмбэрэлийн Цогтсайхан. Улан-Батор, 2015.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-612-622

EDN: VNNLGI

Russia and Mongolia in the civilizational and geopolitical paradigms of Central Eurasia development*

A.S. Zheleznyakov¹, G. Chuluunbaatar²

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Mongolian Academy of Sciences,
Peace Av., 54b, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar, 13330, Mongolia

(e-mail: zhelezniakovas@yahoo.com; chuluunbaatarlegpil@gmail.com)

Abstract. The relationship between Russia and Mongolia in the civilizational and geo-political paradigms of Central Eurasia development is extremely important for political science, sociology and regional studies. The authors' definition of Central Eurasia differs from

---

*© A.S. Zheleznyakov, G. Chuluunbaatar, 2023

The article was submitted on 21.03.2023. The article was accepted on 15.06.2023.

the generally accepted neutral interpretation due to its connection with a specific civilizational space — three local civilizations — the historically summarized limits of their dominant influence. The article considers the following limits of the influence of the Mongolian, Russian and Chinese civilizations from ancient times to the present: the great steppe empires (from the state of the Xiongnu to the Great Mongol Empire of Genghis Khan) with the center in Mongolia, the Russian Empire and the socialist camp with the center in Russia (USSR), and the economic corridor Russia–Mongolia–China with centers in three countries. The recognition of the taxonomic equilibrium of Russia, China and Mongolia as the cores of the Russian, Chinese and Mongolian civilizations, united by the space of Central Eurasia, allows to reconsider the Russian–Mongolian relations from ancient times to the present. The authors admit the existence of the world civilization hidden in Inner Asia and based on more than two thousand years of the nomads' written history — the Mongolian civilization. The authors develop a new scientific direction — civilizational political science which considers the interaction between societies through the intertwined civilizational world order. The authors believe that civilizations cover the entire global space; introduce the concept “cascade of the civilizational boundaries”, which requires a combination of modeling methods and geoinformation technologies with cultural-historical ideas; consider the historical tradition of relations between Russia, Mongolia and China in the Eurasian region as being revived in the new context of trilateral cooperation.

Key words: civilizational and geopolitical paradigm; taxonomic equilibrium; cores of the Russian, Chinese and Mongolian civilizations; civilizational political science

References

1. Abaev N.V. *Tsivilizatsionnaya geopolitika i etnokulturnye traditsii narodov Tsentralnoy Azii i Altay-Baykalskogo regiona* [Civilizational Geopolitics and Ethnocultural Traditions of the Peoples in Central Asia and the Altai-Baikal Region]. Kyzyl; 2006. (In Russ.).
2. Zheleznyakov A.S. *Mongolskaya tsivilizatsiya: istoriya i sovremennost. Teoreticheskoe obosnovanie atlasa* [Mongolian Civilization: History and Modernity. Theoretical Explanation of the Atlas]. Moscow; 2016. (In Russ.).
3. Inostrannye chleny Rossiyskoy akademii nauk XVIII–XXI vv.: Geologiya i gornye nauki [Foreign Members of the Russian Academy of Sciences in the 18th–21st Centuries: Geology and Mining Sciences]. Editor-in-chief L.O. Gliko. Vol. 3. Moscow; 2012. (In Russ.).
4. Luzyanin S.G. *Rossiya — Mongoliya — Kitay v pervoy polovine XXI v. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* [Russia — Mongolia — China in the First Half of the 21st Century. Political Relations in 1911–1946]. Moscow; 2000. (In Russ.).
5. Mikhalev M.S., Yakunin V.I., Vilisov M.V. *Poyasa i puti Evrazii. V poiskah cheloveka* [Belts and Paths of Eurasia. In Search of the Man]. Moscow; 2018. (In Russ.).
6. *Mongolsky mir: mezhd Vostokom i Zapadom* [Mongolian World: Between East and West]. Ed. by Yu.V. Popkov, Zh. Amarsany. Novosibirsk; 2014.
7. Rashid Ad Din. Sudryn chuulgan [Sudrin Conference]. Ulaanbaatar; 2000. (In Mongolian).
8. *Rol kochevykh narodov v tsivilizatsii Tsentralnoy Azii* [The Role of Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia]. Ulaanbaatar; 1974. (In Mongolian).
9. *Rossiya — Mongoliya: kulturnaya identichnost i mezhkulturnoe vzaimodeystvie* [Russia — Mongolia: Cultural Identity and Intercultural Interaction]. Ed. by V.M. Dianova. Saint Petersburg; 2011. (In Russ.).
10. Trubetskiy N.S. *Istoriya. Kultura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow; 1995. (In Russ.).
11. Khashbat L. *Mezhdunarodny status Mongolii: istoriko-pravovye aspekty* [International Status of Mongolia: Historical-Legal Aspects]. Ulaanbaatar; 2001. (In Russ.).

12. *Tsentralnaya Evraziya. Territoriya mezhkulturnykh kommunikatsiy* [Central Eurasia. Territory of Intercultural Communications]. Ed. and comp. by A.K. Alikberov. Moscow; 2020. (In Russ.).
13. Yaskina G.S. *Mongoliya i vneshny mir* [Mongolia and the Outside World]. Moscow; 2002. (In Russ.).
14. Ewing T.E. *Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911–1921*. Bloomington; 1980.
15. Atwood C.P. Is there such a thing as Central/Inner (Eur)Asia and is Mongolia a part of it? *Pacific Affairs*. 2012; 85 (3).
16. Sabloff L.W. Mapping Mongolia: Situating Mongolia in the world from geologic time to the present. *Pacific Affairs*. 2012; 85 (3).
17. *Mongolia and Western China: Social and Economic Study*. Tientsin; 1979.
18. *Mongol Ulsyn tuuh. Eronhiy suur bolovsrol ezemshikhed zoriulsan ih surguu-lin surakh bichig. Hoyor dah hevlel*. Ed. by P. Delgerzhargal, B. Chinzorig, J. Boldbaatar. Ulaanbaatar; 2017. (In Mongolian).
19. Trubetskoy N.S. *Legacy of Genghis Khan. A Look at the Russian History not from the West, but from the East*. Ulaanbaatar; 2015. (In Mongolian).